

ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ Н.НАРОКОВА "МНИМЫЕ ВЕЛИЧИНЫ"

О.С.Сухих

Нижегородский госуниверситет

В журн.: Вестник ННГУ. Серия «Филология». Вып. 1(5). 2004. С. 36-45.

...Он признается ей в совершенном совсем недавно убийстве, а она выслушивает все это с ужасом и жалеет прежде всего его самого, как несчастного человека... Сцена очень знакомая: Раскольников и Сонечка. И вот перед нами очень сходная сцена, которую можно передать практически теми же словами. Это финал романа Н.Нарокова "Мнимые величины"¹: "хозяин города" чекист Любкин и бедная машинистка Евлалия Григорьевна Шептарева, преступник и невинно-чистая душа, к которой он тянется, чтобы спастись от нравственной гибели. Эта сюжетная параллель лежит на поверхности: "Заключительная сцена романа как бы списана Нароковым у Достоевского" [Бараш, 61]. Критика сразу же указала и на другую параллель: "Ситуация ожидания смертного часа, всю жизнь снедавшая память и воображение Достоевского; ситуация ложной казни: приговорили к расстрелу и... отпустили. То, что было решающим эпизодом в жизни великого писателя, у Нарокова досталась одряхлевшему стукачу" [Турбин, 9]. Однако, помимо сюжетных параллелей, между произведениями Достоевского и Нарокова существует и более глубокая, философская связь.

Роман "Мнимые величины" (1952) – одно из первых в русской литературе произведений, где задолго до Солженицына и последовавшей за его "Иваном Денисовичем" и "Архипелагом" волны "антикультовой" прозы 60-80-х гг. была сделана попытка художественного осмысления "культа личности" и трагедии 1937 года. Это попытка объяснения реальных событий российской истории XX века с опорой на философские идеи Достоевского, на его художественное осмысление человеческой природы, мировой истории в "Преступлении и наказании", "Бесах", "Братьях Карамазовых", в особенности в философской "кульминации" последнего романа – "Легенде о великом инквизиторе". В "Мнимых величинах", как и в романах Достоевского, сюжетом движет не столько конфликт человека с другим человеком, сколько столкновение идеи и реальности, некоей жизненной философии с действительностью и человеческой "натурой". Это, по сути, та же идея, которая

формировалась в ряде романов Достоевского и нашла наиболее глубокое и полное выражение в его "Легенде...".

СУТЬ ИДЕИ

Её исток – в главном принципе утилитарной этики, впервые сформулированном основоположником этого этического учения – английским философом и юристом Иеремией Бентамом – в работе "Отрывок о правительстве" (1776 г.). Этот принцип выражен в основной целеустановке утилитаризма, которая звучит так: "наибольшее счастье наибольшего количества людей"². Все возможные формы реализации этого принципа с неизбежностью приводят к противоречию между целью и средствами, а те, кто его придерживается, опять-таки с неизбежностью вынуждены допустить использование зла (прежде всего насилия и обмана) на пути к добру и во имя осуществления благих целей³.

Как эта диалектика добра и зла воплощается в идеях и судьбах героев Достоевского и Нарокова? Раскольников испытывает к окружающим людям и презрение за их слабость, и сострадание, которое заставляет его отдать деньги Мармеладовым или спасти пьяную девочку на улице. Но, с его точки зрения, "частные добрые дела" – это капля в море людских страданий и несправедливости; ситуацию нужно менять в корне, т.е. создавать другие основы существования общества. Обычные слабые люди не способны на такое, значит, это должен сделать сильный человек, подобный Наполеону: "Для Раскольникова Наполеон – это... символ крайне дерзостного преступления всех границ" [Кожин, 226]. Недаром он говорит Сонечке, что спасти таких, как Полечка, поможет только "власть над всем муравейником". А на пути к её достижению неизбежны жертвы и оправдано преступление.

В принципе, такова и мысль героя нароковского романа Любкина. Обстоятельства сталкивают его с Евлалией, он знакомится с ее семьей, с условиями ее жизни и приходит к выводу, что отец этой женщины буквально отравляет ей жизнь, не дает ей выбиться из нищеты. На эту мысль его невольно наталкивает соседка Евлалии Софья Дмитриевна: "... отца на шее, как тяжелый жернов, носит. А он у нее такой Сахар Медович, что хуже и сыскать, кажется, нельзя". Любкин понимает, что его попытки помочь Евлалии обеспечить себя и сына не ведут ни к чему (все деньги растрачивает ее отец Григорий Михайлович), и он делает вывод, что единственный выход – "освободить" Евлалию от отца: "Вижу, что, кроме вреда, ничего вам ваш отец не приносит, и я приказал арестовать его... По-моему,

оно... вполне целесообразно!.. А если целесообразно, значит, справедливо!" Раскольников хочет власти над человеческим "муравейником", чтобы устроить жизнь "маленьких людей", – Любкин использует свою неограниченную власть, чтобы "вытереть слезы" Евлалии.

Раскольников убежден, что ему в точности известно, в чем заключается счастье "ближних". Еще отчетливее такое убеждение (и его логическое обоснование) выражено героем "Легенды...", который ради блага миллионов слабых людей, "многочисленных, как песок морской", порабощает их, идет на обман и насилие, чтобы соединить всех в один всеобщий и согласный "муравейник" и дать людям "младенчески наивное счастье". Так же и Любкин у Нарокова считает, что он вправе решать, что является счастьем для Евлалии, а что нет. Он довольно долго пытается втолковать ей, что арест ее отца – это для нее благо: "А вы должны не "арестовали его" говорить, а "освободили меня от него" говорить, если по справедливости рассуждать!... И даже вам надо "спасибо" сказать за то, что вы теперь свободны от него". Если Раскольников делает только еще первый шаг на пути осуществления идеи насильственного счастья и этого шага не выдерживает, то Любкин, как и великий инквизитор в "Легенде...", уже далеко зашел на этом пути.

Однако результат действий героев получается противоположным задуманному. Раскольников причинил лишь зло и себе, и другим; великий инквизитор, желавший "исправить подвиг" Христа, напротив, доказал "от противного" его правоту (недаром Алеша говорит Ивану, что у того получилась "не хула, а хвала Иисусу"); Любкин причинил боли Евлалии гораздо больше, чем сделал ей добра. Он дает ей выгодные заказы и устраивает освобождение от официальной работы – её начинают считать "сексотом" и ненавидеть. Он "освобождает" ее от отца – она чувствует не облегчение, а горе. Жизнь сложнее теории: нельзя математически выверить чувства человека и подчинить их логике. Еще "подпольный человек" Достоевского говорил, что иной раз человеческая "выгода" как раз в том состоит, чтобы пожелать себе "худого, а не выгодного". У Нарокова Евлалия чувствует и поступает именно так: просит освободить отца, хотя это ей вовсе не "выгодно".

ЦЕЛЬ

Итак, герои Достоевского и Нарокова осознанно действуют по принципу "цель оправдывает средства". Рассмотрим подробнее их цели. Раскольников в раз-

говоре с Сонечкой признается: "Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества... Я просто убил... а там стал ли бы я чьим-то благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и из всех живые соки высасывал, мне в ту минуту все равно должно было быть!" Приведя эти слова, В.Кожин пишет: "Можно бы поставить вопрос о том, что в Раскольникове живут как бы в зародыше обе цели, то есть перед нами такой человеческий тип, из которого могут при тех или иных условиях вырасти и революционер-освободитель, и поработитель-тиран, "Наполеон". Иногда именно так и толкуют смысл этого образа. Однако это явное упрощение... Герой романа нигде не переходит грань, за которой могло бы начаться фактическое движение к той или другой цели" [Кожин, 225]. Но ведь Раскольников не переходит эту "грань" по той причине, что "и первого шага не выдержал", а потому уже и не имел возможности её перейти. Однако в романе много говорится о его целях, а значит, и о пути, который был бы возможен при "положительном" исходе его эксперимента над собой. Ведь он окончательно решается убить, перейти от теории к действию после чтения письма матери, где говорится о судьбе Дунечки. Вспомним его слова о том, что он хотел загладить преступление сотнями добрых дел. Вспомним, наконец, разговор с Соней о необходимости достижения "власти над всем муравейником", чтобы у таких, как Полечка, была светлая судьба. В.Кожин в другом месте своей работы пишет: "Раскольников стремился "решить" не только для самого себя, но и, так сказать, за всех "униженных и оскорбленных" [Кожин, 224]. Когда герой говорит, что ему "в ту минуту все равно должно было быть" ("должно было", а не "было"), сделаться благодетелем для людей или тираном, то он имеет в виду именно сам момент преступления, проверки себя. Но проверка не была самоцелью, за ней стояло нечто более значительное. Ведь теория Раскольникова подразумевает право сильной личности на преступление лишь ради благой цели.

Герой "Легенды..." формулирует свою цель совершенно ясно, логично и четко. Он был последователем Христа до тех пор, пока не понял, что этот путь лишь для сильных духом, а миллионы слабых, обычных людей останутся "за бортом" такого счастья, ибо не способны на духовный подвиг и не могут вынести дарованного Христом блага (и одновременно бремени) свободы выбора. И тогда он "возвратился к смиренным для счастья этих смиренных".

Что касается целей героя Нарокова, то здесь внешне дело обстоит как будто бы сложнее. В конкретном случае с Евлалией его цель, несомненно, в том, что-

бы "вытереть её слезы", сделать её хоть немного более счастливой. Однако в романе речь идет не только об этом, но и об основной деятельности героя как руководителя областного НКВД, которая связана с непрерывным и неизбежным кровопролитием. Ради чего? Герой Нарокова вовсе не слепое орудие в руках высшей власти; он ясно понимает, что творит.

В начале VII-й главы романа дается разговор Любкина с его другом и соратником Супруновым о целях уничтожения "врагов народа". Оба приходят к выводу, что *ближайшая* цель в том, чтобы полностью подчинить людей власти во имя самой власти. А *дальнейшая*, конечная? Супрунов говорит: "Вожжи в руках – великое дело... И вот я сейчас держу вожжи в руках. А на этих вожжах тысячи человеческих жизней. А поэтому я не просто человек... Сила! А коли сила, значит, я выше, потому что сильный всегда выше". Любкин же вроде бы и соглашается с ним, но все-таки не совсем: "В твоих руках вожжи? Выше ты? Ну и ладно! Но только вожжи-то... Настоящее ли это?" Он уже начинает понимать, что власть – это "мнимая величина", а значит, не может быть подлинной целью. Почему Любкин помогает Евлалии? В этом случае он не помышляет о какой-либо власти. Евлалия потом делает вывод, что ему хотелось сделать добро, потому что в его жизни было уже слишком много зла, что он тяготится под бременем зла и внутренне стремится к добру.

В одном из эпизодов любовница Любкина Елена Дмитриевна спрашивает его, зачем разрушили старую жизнь, где были веселые гулянья и масленичные блины. "Любкин нахмурился. Он очень хорошо знал, что надо отвечать на такой вопрос, но отвечать не стал: что-то мешало ответить готовыми словами...

– Масленица, она, конечно... Но ты не одну масленицу бери, а ты вообще бери!" В подтексте остается мысль об уничтожении социальной несправедливости как о цели революционеров, но эта мысль не развивается.

В романе есть эпизоды, где вскользь говорится об эволюции взглядов и целей Любкина. В начале XII-й главы Нароков пишет, что в первые послереволюционные годы Любкин был увлечен именно коммунистической идеей, понимаемой как идея социальной справедливости и равенства людей (правда, в романе практически нет какой-то более развернутой расшифровки ее сути). То есть в начале своего революционного пути Любкин действует ради благой цели, ради счастья "наибольшего количества людей", однако постепенно все меняется: коммунизм становится для него пустым словом, за которым стоит лишь отвлеченная теория.

Любкин и Супрунов, которые "в 18-м году за коммунизм кровь проливали и умереть готовы были", приняли "инквизиторскую" идею о допустимости зла и насилия на пути к всеобщему счастью. На их взгляд, зло является неизбежным начальным этапом на пути к добру. (Так же и герои горьковской "Матери" были уверены, что можно и даже необходимо жертвовать человеком, чтобы "скорее настало то время, когда можно будет только любоваться людьми"). Однако этот начальный этап затягивается, разрастается, превращаясь в дурную бесконечность, и заслоняет собой благую цель. Люди из объекта заботы и любви превращаются для любкиных и супруновых в препятствие. Так было и с великим инквизитором в "Легенде...": он начал с заботы о слабых, их счастье поставил своей конечной целью, но на пути к цели пришлось устраивать "автодафе во сто сожженных еретиков", и из контекста "Легенды..." ясно, что это не единичный, а постоянный, регулярно повторяющийся акт, позволяющий сохранять и усиливать власть над "муравейником". Так было и с его литературным предшественником Раскольниковым, которого обстоятельства вынудили вслед за первым убийством не останавливаться и перед вторым...

СРЕДСТВА

Насилие как средство достижения гуманной цели становится допустимым для героя Нарокова по той же логике, которой руководствуются Раскольников и великий инквизитор у Достоевского. Раскольников решил пожертвовать "жалкой старушонкой", чтобы проверить себя и потом помочь многим. Великий инквизитор сотнями губит "ближних", мешающих реализации его целей, и даже Христа готов сжечь на костре, чтобы тот не мешал установленному им порядку жизни. Любкин действует в том же духе; особенно отчетливо это выражено в случае с арестом Володеева – отца Евлалии. Он считает, что "целесообразно" пожертвовать плохим человеком ради спокойствия хороших людей. Здесь снова очевидна параллель с "Преступлением и наказанием". Раскольников предлагает Сонечке задуматься о том, что из-за клеветы Лужина могла погибнуть не только она сама, но и ее семья. Он предлагает ей решить вопрос: кому жить – Лужину или Катерине Ивановне с детьми? Так же и Любкин "искушает" Евлалию: он напоминает ей, что если вернется Володеев, то очень тяжело будет не только ей, но и маленькому Шурику – её сыну: "А подумали вы о том, чем дело кончится, если ваш папаша будет из вас соки сосать? О мальчишке-то своем подумали?.. Черномазых-то бес-

призорников видели? Вот и ваш Шурик такой будет, если вы и дальше позволите из себя соки сосать, а сами о "человеческом" думать". Для Раскольникова несомненно, что было бы справедливо пожертвовать Лужиным ради Катерины Ивановны с детьми; великий инквизитор уверен, что нужно жертвовать сотнями и тысячами еретиков, чтобы миллионы ничего не знающих о зле "младенцев" были счастливы; нароковский Любкин убежден, что "целесообразно" пренебречь Володеевым ради Евлалии и Шурика. В каждом случае рядом с таким героем есть и противопоставленный ему персонаж: Сонечка Мармеладова не принимает самой возможности решать судьбы других людей, "занимать место" Бога; Христос в "Легенде..." молчанием своим, более красноречивым, чем любые аргументы, противостоит всему, что говорит инквизитор; Евлалия отказывается устраивать жизнь свою и своего сына за счет гибели или страданий отца.

И у Достоевского, и у Нарокова акцентирован еще один мотив: кроме насилия, есть и другое сильнейшее средство, используемое героями ради достижения цели, – обман, манипуляция сознанием людей. Раскольников, правда, к нему не прибегает, так как не выдержал "проверки", первого шага на пути к власти, а потому у него нет ни мотива, ни возможности манипулировать сознанием ближних. Но великий инквизитор уже использует этот метод в полной мере: люди в его государстве уверены, что они свободны, в то время как на самом деле они полностью порабощены; они не сомневаются, что живут в христианском обществе, тогда как в действительности оно организовано на антихристианских началах. Инквизитор управляет людьми с помощью постоянной и умелой лжи и подмены религиозных ценностей. В романе "Мнимые величины" Любкин пытается манипулировать сознанием Евлалии, стремится поставить ее в такие условия, чтобы она сама отреклась от отца, отказалась от попыток его спасти. Но он действует в основном логическими доводами, а логика не единственное и не самое сильное средство манипуляции сознанием, сам же Нароков пишет в романе, что новое сознание вколачивается не только в мозг, но и "в сердце", и "в шкуру". Поэтому в случае с Евлалией он терпит поражение. Однако если отвлечься от этой конкретной ситуации и обратиться к картине всей системы общественных отношений, созданной в романе Нарокова, то мы увидим в ней целую совокупность "мнимых величин", сотворенных как раз путем манипуляции сознанием людей. Любкин рассказывает Софье Дмитриевне о пареньке, который радуется новым ботинкам и искренне считает, что они достались ему легко, хотя "месяца два, а то и три поди

ждал, пока в универмаг ботинки доставили, сотни раз бегал справляться, привезли ли их, все боялся, что прозевает и упустит, потом в 4 часа ночи в очередь встал, часов десять в ней простоял..." А дальше Любкин говорит: "И вместо того, чтобы от злости матом всех крыть, что вот, мол, сколько труда надо положить, чтобы такую ерундовую вещь сделать, паршивые ботинки себе купить, он совершенно искренно в восторг приходит: "Совсем легко!" А? Еще, чего доброго, кричать начнет: "Спасибо товарищу Сталину за легкую жизнь!" Софья Дмитриевна на это отвечает, давая своеобразную формулу манипуляции сознанием: "Если из человека одно понимание вынули, а совсем другое в него вложили, так он по-другому и понимает". Под постоянным прессом пропаганды определенных идей, зачастую иллюзорных, под мощным воздействием на сознание и подсознание человек начинает жить в мире "мнимых величин". Создавая эту картину и сам образ "мнимых величин", Нароков приводит читателя к выводу, что Советском Союзе 30-х годов XX в. практически все живут в каком-то выдуманном (как сейчас говорят, "виртуальном") мире. Попавший в НКВД Варискин придумывает заговор "Черной руки", которым якобы руководят Любкин и Супрунов, сам вполне искренне увлекается своей выдумкой и даже начинает в нее верить. Следователь внушает заключенному Русакову мысль о том, что тот на самом деле шпион Росскопф, и в конце концов Русаков это признает – выдуманная фигура начинает жить реальной жизнью, а человек, Русаков, как бы исчезает. И коммунизм Нароков представляет тоже некой "мнимой величиной": "Мы с тобой, – говорит Супрунов Любкину, – в 18-м году за коммунизм кровь проливали и умереть готовы были, а ведь коммунизма-то и нет... Суперфляй для дураков есть, а коммунизма нет..." Оба героя противопоставляют коммунизму, то есть идеальной теории, большевизм как конкретную практику управления людьми, полного подчинения окружающих своей воле. Однако в конечном итоге Любкин приходит к выводу, что и большевизм – такая же "мнимая величина": "Большевизм... Ха! Я в него поверил, а он совсем, совсем ненастоящий!" Еще в начале романа Любкину было ясно: "Людям в мозг, в сердце и шкуру вколачивают такое сознание, что, мол, не только не можешь чего-нибудь своего хотеть, но даже и не хочешь хотеть". Он понял, что такая манипуляция сознанием не имеет предела и способна превратить людей в послушные автоматы: "...если нашей коммунистической партии завтра прикажут выкинуть из мавзолея труп Ленина, проклясть Карла Маркса и заплевать коммунизм, так она и

выкинет, и проклянет, и заплюет. И не потому, что послушается, а потому, что будет думать, будто это она сама так хочет"⁴.

Коммунизм, как показывает Н. Нароков, перестает быть для большевиков истинной целью и становится лишь красивым лозунгом, с помощью которого они манипулируют сознанием массы. Коммунизм, по мнению Любкина и Супрунова, – "это для дурачков". Так было, по сути, и в государстве великого инквизитора: сохраняемая для массы и даже ревностно оберегаемая, вплоть до казней "еретиков", христианская обрядность и фразеология существуют для миллионов "непосвященных" как прикрытие истинных целей "сильных и умных".

СТРАДАНИЕ

В романе "Мнимые величины" есть еще один важный мотив, который связывает его с идеями и героями произведений Достоевского: герои-"инквизиторы" способны испытывать нравственные страдания из-за совершаемого ими зла. Раскольников начинает мучиться даже еще до своего преступления; великий инквизитор берет на себя "проклятие познания добра и зла", он предсказывает, что в созданном им идеальном мире будут сотни несчастных страдальцев – таких, как он, "сильных и мудрых" носителей власти, вынужденных лгать и совершать зло, но такова цена за счастье миллионов, живущих в неведении об этом. Раскольников в разговоре с Порфирием говорит, что великие люди (личности наполеоновского типа) должны испытывать великую грусть из-за своих вынужденных антиморальных действий.

На первый взгляд кажется, что нароковские герои-большевики не страдают от собственных действий и безнравственных решений, т.к. абсолютно лишены совести. Разумихин у Достоевского говорил, что разрешение "крови по совести" страшнее, чем ее разрешение по закону: оно означает снятие внутреннего запрета на насилие, а не внешнего. У Нарокова речь идет как раз о том, что для большевиков не существует именно внутренних запретов: "Он в себе ни через чего не переступает. Преступление есть только акт, и в этом акте нравственная сторона отсутствует точно так же, как она отсутствует в ряде других актов: в обточке гаек или в сучении пряжи", – так рассуждает Евлалия о большевиках. Однако её суждение можно отнести, пожалуй, лишь к Супрунову, но не к Любкину. Не случайно автор приводит его воспоминания о человеке, задавленном паровозом. Любкин рассказывает Евлалии, что когда-то он был машинистом на железной дороге и од-

нажды под колесами его паровоза погиб человек, которого он не смог спасти: "Я было за гудок, я было за ручку тормоза, да где уж там, сами понимаете. Тут ведь секунда!... И вот, как вы хотите, так и понимайте, но только, когда паровоз на него налетал и через него всеми своими пудами переезжал, так я все это... чувствовал! И не только сердцем, а прямо вот всей своей кожей чувствовал. Словно это совсем не паровоз человека давит, а сам я его в кашу давлю. И даже под ногами-то, под подошвами чувствую, как это я его давлю. Оно, конечно, миг один, но я в этот миг такое переживал, будто этот человек не под паровозом, а подо мной хрустит и будто это мои вот каблукки его кишки плющат. Понимаете? Можете такое понимать?... Много после этого со мной всякого было, и многих я потом насмерть задавил, но я со всем этим не считаюсь, а вот тот случай до сих пор помню".

Герой способен чувствовать чужую боль и страдать из-за того, что как-то причастен к этому. Гражданская война, служба в НКВД притупляют это чувство, но в глубине души Любкина оно все же сохраняется, живет. Именно поэтому он испытывает потребность сделать добро: он устал от зла. Не случайно Евлалия видит в его взгляде "пытливость затаенной муки". Любкин вроде бы не задумываясь соглашается на предложение Супрунова ликвидировать Варискина, по глупости оговорившего их обоих, а вместе с ним и следователя, записавшего его показания: "Подумаешь, важность – Варискин какой-то!" Но после того как оба опасных человека были убиты, а протокол с оговором уничтожен, Любкин, в отличие от Супрунова, испытал не облегчение, а какую-то непонятную ему самому злость: он "почему-то разозлился... не на протокол, а на что-то внутреннее, неясное". В финале романа острые страдания героя проявляются открыто, когда он ясно видит, что, желая помочь Евлалии, он на деле причинил ей зло: "Почему у меня все так обратно получается? Хочу, чтобы хорошо, а выходит плохо. С Чубуком плохо, с отцом вашим плохо и... И с коммунизмом плохо!" Примечательно, что Любкин ставит эти примеры в один ряд (и для автора они тоже рядоположены): он попытался решить за Евлалию, что будет для нее лучше, и "насильственно" обеспечить ей лучшую жизнь, но точно так же происходит и в масштабах его деятельности как "инквизитора"-большевика, имеющего неограниченную власть над людьми: он стремился дать людям "насильственное счастье", и это закончилось лишь страданиями как самого "благодетеля", так и тех, кого он хотел облагодетельствовать. В финале "Легенды..." Христос своим поцелуем выражает признание страданий

великого инквизитора, сочувствие и любовь к нему. В финале "Мнимых величин" страдание чекиста-"инквизитора" тоже вознаграждено сочувствием и слезами Евлалии Григорьевны.

БЕЗВЕРИЕ

Роман Нарокова объединяет с "Легендой о великом инквизиторе" еще и тема утраты веры; безверие влечет за собой трагедию личности. Великий инквизитор, который "был в пустыне, питался акридами и кореньями", желая "восполнить число" последователей Христа, потерял сначала веру в христианский путь, а потом и веру в Бога и бессмертие души: он уже уверен, что люди, умерев, "за гробом обрящут лишь смерть"; он, даже видя Христа воочию, не верит, что перед ним Сын Божий, не знает, Он это или только подобие Его. Именно утрата веры, с точки зрения Алеши Карамазова, объясняет то, что инквизитор пошел по пути зла, влекущего за собой нравственные страдания. Алеша говорит Ивану: "Инквизитор твой просто в Бога не верует – вот и весь его секрет!"

Любкин у Нарокова долго жил верой в идею. Он был готов жизнь отдать за коммунизм, а теперь признает, что коммунизма нет и не может быть. В финале он говорит Евлалии, что перед ним "яма", страшная бездна бессмысленности и безверия. Он мучительно ищет в жизни "настоящее"; сначала таким "настоящим" кажется коммунизм, потом большевизм, а в конце концов наступает разочарование и в том, и в другом: "Я для него (он не сказал, для кого: то ли не посмел, то ли и без слов понятно!), можно сказать, всего себя отдал и сам им сделался, а теперь вижу: не туда зашел! В ненастоящее зашел!" Вот это и есть самое страшное: "Евлалия Григорьевна стала видеть (словно через мглу, словно в тумане), что подлинная гибель в том, от чего гибнет Любкин".

Философию великого инквизитора Достоевский связывал с католицизмом, с масонством, а также и с социализмом. Н.Бердяев, поддерживая мысль о многовариантности возможных форм реализации "инквизиторской" идеи, говорил: "Дух Великого инквизитора жил и в католичестве, и вообще в старой исторической церкви, ... и во всяком насильственном, абсолютном государстве, и ныне переносится этот дух в позитивизм, в социализм, претендующий заменить религию, строящий вавилонскую башню" [Бердяев, 219]. Н.Нароков, попытавшись одним из первых в русской литературе художественно осмыслить и воплотить в романной форме реальную практику создателей "абсолютного государства", нашел опо-

ру для этого в художественной традиции и в философии Достоевского, выявив в сюжетных ситуациях и в образной системе романа "Мнимые величины" общность принципов сталинского "коммунизма" и идеи великого инквизитора.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

Бараиш О. Бытие на пороге небытия // Литературное обозрение. 1990. № 11.

Бердяев Н. Великий инквизитор // О Великом инквизиторе. Достоевский и последующие. М., 1991.

Кожин В. Победы и беды России. М., 2002.

Казак Вольфганг. Лексикон русской литературы XX века. М., 1996.

Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2001.

Турбин В. Предисловие // Нароков Н. Мнимые величины // Дружба народов. 1990. № 2.

Турбина В. Возвращение из небытия // Нароков Н. Могу! М., 1991.

¹ Нароков Н. Мнимые величины // Дружба народов. 1990. № 2. Далее роман цитируется по этому изданию. Нароков – литературный псевдоним. Настоящее имя писателя – Марченко Николай Владимирович. Он родился в Бессарабии в 1887 г., учился в Киевском политехническом институте, во время гражданской войны был офицером денкинской армии, попал в плен к красным, бежал. После войны работал учителем математики в провинции и в Киеве. В 30-е гг. короткое время находился в заключении. В 1944 г. покинул Киев, стал участником второй волны эмиграции, в 1944-50 гг. жил в Германии, с 1950 – в США в г. Монтерей (Калифорния). Опубликовал три романа: "Мнимые величины" (в 1952 г. в Нью-Йорке; роман переведен на английский, немецкий, французский, испанский и некоторые восточные языки); "Никуда" (опубликован на русском языке в Париже в 1961 г. в журнале "Возрождение", № 110 - 118); "Могу!" (вышел в Аргентине, в Буэнос-Айресе, в 1965 г.). Умер Н.Нароков (Марченко) в Калифорнии в 1969 г. [См.: Казак, 274; Турбина, 3]. Роман "Мнимые величины" опубликован в 1990 г. в журнале "Дружба народов" и отдельным изданием в Москве; роман "Могу!" – отдельным изданием в Москве в 1991 г.

² Цит. по: Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С. 35. Глубокий анализ доктрины этического утилитаризма дан в первой философской работе С.Л.Франка "Фр. Ницше и этика "любви к дальнему", которая была опубликована в известном сборнике "Проблемы идеализма", изданном в 1903 г. в Москве под редакцией П.И.Новгородцева.

³ Анализ сущности и структуры "инквизиторской" идеи см. в кн.: Сухих О.С. Горький и Достоевский: продолжение "Легенды...". Н.Новгород, 1999. С. 16 - 46.

⁴ Современный политолог и публицист С.Кара-Мурза объясняет суть манипуляции сознанием следующим образом: "В казармах Красной Армии висел плакат: "Не можешь – поможем. Не умеешь – научим. Не хочешь – заставим". Смысл же манипуляции иной: мы не будем тебя заставлять, мы влезем к тебе в душу, в подсознание и сделаем так, что ты захочешь" [Кара-Мурза, 43].
